

Стрела и рыба

Из рассказов бывалого летчика

Оставалось сделать круг над городом, чтобы выбрать место для посадки, но в этот момент мотор остановился. "Вот тебе и Темрюк!" - подумал Чулков.

Садиться нужно было немедленно. Недалеко от набережной он увидел небольшую лужайку, которая, казалось, могла приютить его "Сопвич". Некоторые подозрения внушала лишь чересчур яркая, ядовито-зеленая окраска луга.

Летчик заметил ловушку только тогда, когда машина снизилась настолько, что можно было разглядеть каждую отдельную травинку. Трава росла не из земли, а из воды. Вода отсвечивала между стеблями. Нужно было во что бы то ни стало перепрыгнуть через болото. Чулков попробовал пришпорить теряющий скорость "Сопвич", взяв ручку на себя. Самолет кое-как перетянул через болото и тяжело плюхнулся на людную пристань. Летчик испытал то же самое ощущение, что всадник, перепрыгнувший через пропасть, когда задние ноги скакуна срываются в бездну и из-под копыт сыплются камни и земля.

Счастливо миновав телеграфные провода, какую-то будку, повозку с лошастью, самолет перевалился через шоссе, с грохотом проехал по расставленным на земле косякам глиняных кувшинов и понесся прямо на стену чисто выбеленного, уютного домика. Перед домиком спокойно стояла чистенькая старушка и, высоко подняв руку, крестила мчащийся на нее самолет.

Самолет остановился в одном метре от старушки и в двух метрах от домика. Некоторое время летчик и старуха молча разглядывали друг друга. Старуха была совсем древняя, мясистый нос ее был усеян синими пороховыми точками. Весь ее вид говорил: "Если бы не я, не остановиться бы тебе на этом месте, сынок".

"Отчаянной жизни старуха", - подумал летчик.

Рядом был городской сад, откуда доносилась музыка.

У входа в сад висел большой плакат, на котором крупными буквами было написано: "Львы Толстого". В передвижном цирке выступал укротитель Толстой со своими львами. Весь Темрюк был в саду. Львы попадали в этот город не часто. Через минуту, однако, площадь втянула в себя все содержимое сада, включая оркестр. В саду остались только львы Толстого. Аэропланы попадали в этот город еще реже. Толпа раздавила остатки кувшинов и тесным кольцом окружила самолет. Тишину нарушали лишь крики разоренных в мгновение ока торговков и далекий рык озадаченных львов. В задних рядах сверкали трубы музыкантов, прибежавших последними.

Пилот и летнаб вылезли из самолета. В этот момент, звеня шпорами и галантно освобождая дорогу следовавшей за ним даме, к самолету подошел щеголеватый кавалерист.

- Кто летчики? - спросил он, обведя взглядом круг людей и не найдя в партикулярной толпе никого, чья внешность была бы достойна этого звания.

На Чулкове были сандалии на босу ногу, бумажные полосатые брюки, чересчур короткие. Одна штанина потемнела от масла: "Сопвич" выбрасывал масло в одну сторону. Летнаб из-за очень малого роста был еще менее представителен. Чулков же заметно возвышался над толпой. Между ними было такое соотношение, как между скрипкой и контрабасом.

- Мы летчики, - сказал Чулков, - А что?

- Зачем пожаловали в расположение части?

- Мы присланы в помощь кавалерии, в распоряжение командования.

- Тогда отправляйтесь за мной, я - адъютант командира части, - властно сказал военный.

Заметив в толпе двух кавалеристов, он поставил их на караул у самолета. После этого адъютант и летчики отправились в штаб, уводя за собой почти всю толпу, в том числе оркестрантов с трубами и торговков, громко требовавших возмещения убытков.

Так они пришли в штаб.

- Вот эти - летчики? - удивился командир части. - Немедленно одеть по форме, иначе разговаривать не буду! Сейчас же отправить их в цейхгауз и переодеть с ног до головы.

Они уже были в дверях, когда командир крикнул: